

Б.Б. ГОРЯЕВА

(Элиста)

**ОРНИТОМОРФНЫЕ ПОМОЩНИКИ
ГЕРОЯ В КАЛМЫЦКОЙ
ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ**

На основе теории В.Я. Проппа рассматривается круг действий птиц как помощников героя в калмыцкой волшебной сказке. В круг действий мифической птицы Хан Гаруды входит пространственное перемещение героя из одного мира в другой, а также разрешение трудных задач. Зачастую в сказках орел, прежде чем помочь герою, сам получает помощь от него. Помощниками, круг действий которых охватывает ликвидацию беды или недостачи, выступают сорока, ворон, воробей, петух, курица и утка. Круг действий попугая как помощника героя охватывает разрешение трудной задачи хана.

Ключевые слова: *герой, волшебная сказка, орнитоморфный помощник, круг действий, Хан Гаруда, орел, ворон, сорока, воробей, попугай, петух, курица, утка.*

Птицы в традициях различных народов являются неизменным элементом религиозно-мифологической системы и ритуала, обладают разнообразными функциями. Пернатые могут быть божествами, демиургами, героями, превращенными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев, тотемными предками и т.п. [14, т. 2, с. 346].

В мифопоэтической традиции калмыков также присутствуют птицы. Эти существа являются представителями верхнего мира в мифологической картине народа [25, с. 14; 28]. В настоящей статье нами предпринято изучение функций орнитоморфных помощников героя в калмыцкой волшебной сказке.

Помощники героя русской сказки изучены и подробно описаны В.Я. Проппом [22, с. 40–149]. Согласно теории ученого, круг действий помощника охватывает пространственное перемещение героя (R), ликвидацию беды или недостачи (Л), спасение от преследования (Сп), разрешение трудных задач (Р), трансфигурацию героя (Т) [23, с. 73]. Происхождению и эволюции образа «низкого» героя сказки – социально обездоленного младшего брата, сироты, бедняка, которому помогают волшебные силы, действующие за него, посвящен труд известного исследователя мифологии и фоль-

клора Е.М. Мелетинского [15]. Помощники героя восточнославянской сказки – жена (невеста) героя, Баба-яга, встречаемые богатыри (великаны), чудесные искусники, невидимка и др. – рассматривались Н.В. Новиковым [20, с. 131–158].

В калмыцкой фольклористике М.Э. Джимиров, исследуя персонажей сказочной традиции калмыков, выделяет «низких» героев волшебной сказки (по Е.М. Мелетинскому): «младшего», «золушку» и сиротку. О волшебных помощниках героя калмыцкой сказки ученый пишет следующее: «Младшего сына, ставшего жертвой предательства, обычно спасает из подземелья либо благодарная птица, либо чудесный предмет. Если героя убивают, зверь-помощник (в русской сказке – серый волк) его оживляет. В калмыцкой сказке, кроме птиц и предметов, младшего брата спасает чудесный конь, или быстрорастущее дерево, или коса прекрасной девушки» [7, с. 36].

Мотив чудесного рождения героя изучен Б.Э. Мутляевой на материале сказочного эпоса монгольских народов и калмыцкого эпоса «Джангар» [17].

Герой калмыцкой волшебной сказки – это иронический неудачник, который именуется как «Нусха Му (сопливый, плохой), Тарха (шелудивый), Ходжигор (плешивый), Саак или Одак (тот же самый)», – отмечает Т.Г. Басангова [3]. Образ культурного героя в мифологии калмыков также раскрыт Т.Г. Басанговой [4].

Образ героя калмыцкой богатырской сказки, его номинация и верный помощник – конь рассматривались Б.Б. Манджиевой [10–12]. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» было выделено Ц.Б. Селеевой [26].

Типы героев калмыцкой волшебной сказки изучались И.С. Надбитовой [18]. При рассмотрении помощников героя в калмыцком волшебном эпосе И.С. Надбитова выделяет людей и животных, в число последних входит «могучая птица Хан-Гаруди» [19, с. 139–140].

В свете компьютерных технологий анализировался также фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции на примере сказок, записанных Г.И. Рамстедтом [6].

Изучив некоторые буддийские черты сказочного фольклора калмыков, С.В. Мирзаева отмечает, что в калмыцких сказках популярен буддийский мотив противостояния Гаруды и нагов. Этот мотив обнаружен исследо-

вателем в сказках «Сын медведя Алват Хар» и «Зальта-Мерген-баатр и мудрый конь его Золь-Цоохор». В измененном виде он присутствует также в сказке «Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган-ээдже» [13, с. 202].

Как видим, в исследованиях представлены лишь образы мифологической птицы Хан Гаруды как орнитоморфного помощника героя калмыцкой волшебной сказки и кукушки как персонажа сказочного фольклора народов Центральной Азии [16].

Проведенный нами анализ сказочных текстов показал, что среди орнитоморфных помощников героя волшебной сказки калмыков в круг действий (по В.Я. Проппу) мифической птицы Хан Гаруды входит пространственное перемещение героя из одного мира в другой мир. В устной традиции калмыков в сказках на сюжетный тип «Сравнительного указателя сюжетов» [27] (далее СУС) 301 А «Три царства: золотое, серебряное и медное» *герой спускается в нижний мир по веревке с помощью своих названных братьев. Далее юноша расправляется с хтоническим существом иулмусом, пожирающим людей, отпускает всех плененных, с помощью спутников поднимает небесную деву рагни в срединный мир, а его самого побратимы сбрасывают, перерезав веревку. По подсказке подземного хана герой спасает птенцов птицы Хан Гаруды от змея. В благодарность птица доставляет его на землю. Герой расправляется с предателями и женится на небесной девице.*

В сказках «Нал хаана отхн шар көвүн» (ХТ-I, с. 159–164) («Младший сын Гал хана») и «Эркэ Билдр залу» (ХТ-IV, с. 18–27) («Мужчина Эрка Билдр») на вышеуказанный сюжетный тип Хан Гаруда обитает в нижнем мире. В благодарность за спасение от змея ее птенцов птица доставляет героя в срединный мир людей.

В.Я. Пропп в своем исследовании «Морфология сказки» о пространственных перемещениях героя по воздуху пишет следующее: «Сказка знает три основные формы носителей Ивана по воздуху. Это – летучий конь, птица и летучий корабль. Но как раз эти формы представляют собой носителей души умерших, причем у пастушеских и земледельческих народов преобладает конь, у охотников – орел, а у жителей побережий моря – корабль. Таким образом, можно предположить, что одна из первых основ композиции сказки, а именно странствование отражает собой представления о странствовании души в загробном мире. Таков наиболее общий, основной вывод всей нашей работы» [23, с. 99].

Птица Хан Гаруда фигурирует помимо сказок в таких жанрах устной традиции народа, как «сказывание по кости» («яс кемэлһн») и героический эпос «Джангар». Мифическая птица Гаруда помогает герою калмыцкого эпоса Джангар хану спуститься с неба на землю. М.Э. Джимгиров, рассмотрев данный мотив в сопоставлении эпоса и сказок, отмечает, что сказочный змееборческий сюжет органически вошел в калмыцкий эпос [8, с. 206].

Помимо пространственного перемещения героя калмыцкой волшебной сказки в круг действий птицы Хан Гаруды входит также разрешение трудных задач (Р). Например, в сказке «Саак» («Тот самый»), соотносимой с сюжетным типом СУС 554 «Благодарные животные», *юноша щадит жуку, лису, птенцов птицы Хан Гаруды и сайгака. Благодарные животные и птица Хан Гаруда помогают герою спрятаться от ханской дочери так, чтобы она не смогла найти его. Выполнив трудную задачу, Саак берет в жены дочь хана* (ХФ, с. 119–122) (перевод сказки на русский язык: МД, с. 175–178). В сказке «Саак» отмечено, что Хан Гаруда обитает в срединном мире на вершине священного тополя на берегу, у воды. Герой спасает ее трех птенцов от змея. В благодарность птица дает ему свое перо, подпалив которое, юноша может вызвать Хан Гаруду (ХТ-I, с. 102–103).

Изображения мифической Гаруды, в индуизме предстающей ездовой птицей (с женскими телом и головой) бога Вишну [14, т. 1, с. 266], имеются на буддийских танках, которые представляют старокалмыцкое искусство [5, с. 97–99], а также на знамени 3-го Донского калмыцкого конного полка [9].

Кроме птицы Хан Гаруды в калмыцких сказках имеются и другие орнитоморфные помощники героя, круг действий которых охватывает ликвидацию беды или недостачи (Л) [23, с. 73]. Так, в калмыцкой волшебной сказке широко представлен образ орла как помощника. Зачастую в сказках прежде чем помочь герою, орел сам получает помощь от него, а после отвечает добром на добро. Например, в якутских сказках герой находит раненого орла, кормит три года и после этого получает чудесную помощь [21, с. 34].

Калмыцкие сказки на такой сюжетный тип, как СУС 313 С «Чудесное бегство», как и восточнославянские, начинаются с описания войны зверей и птиц. Так, в сказке «Иван Царевич гидг көвүнэ тууль» («Сказка о юноше по имени Иван Царевич») (НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 81. С. 1–22), записанной И.И. Поповым среди донских калмыков,

мышь и воробей, не сумев поделить урожаем пшеницы, ссорятся и начинают войну, в которой ранят орла. Герой спасает птицу, она уносит его на небо, дарит ему чудесные вещи, дает советы [29].

В сказке «Ах дү хойр хулһн» («Два брата мыши») из репертуара Эренджена Лиджиева на сюжетный тип «Чудесное бегство» в войне пернатых и зверей медведь ранит орла. Сын хана лечит раненую птицу. Затем они летят к сестре и брату царя птиц. Орел превращается в человека, дарит ханскому сыну ларчик, но запрещает его открывать. Юноша нарушает запрет: из ларца разбегаются скот четырех видов. Волк собирает скотину, за это просит то, «о чем он дома не знает». Это оказывается сын героя, по дороге к волку он спасает от смерти лису, которая помогает добыть красавицу и расправляется с волком (АЗТ, с. 29–33). Таким образом, орел в калмыцких сказках выступает как помощник, круг действий которого охватывает ликвидацию беды или недостачи. В мифологиях разных народов орел предстает символом небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия [14, т. 2, с. 258].

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 563 «Чудесные дары» волшебными помощниками выступают сорока и ворон. В благодарность за спасение их от смерти птицы помогают нищим старику и старухе: ликвидируют беду или недостачу.

В сказке «Шаазһа сән нээжтэ эмгн өвгн хойр» («Старуха и старик с хорошим другом сорокой») старик-бедняк спасает сороку от напавшего на нее балобана, приносит раненую птицу домой и выхаживает ее. Окрепшая птица, покидая дом стариков, оставляет свое перо, наказав в трудный момент прийти к ней. Путь к волшебному помощнику оказывается не ближний. В дороге старик встречает смуглого мужчину с усами как крылья ласточки, посоветовавшего герою попросить у сороки лошадь, которая испражняется золотом, и сундук, из которого появляется масло. Получив чудесные дары, старик и старуха живут в счастье и довольстве (ХФ, с. 115–119; ХТ-I, с. 50–53). Таким образом, в приведенной сказке круг действий сороки как чудесного помощника героев сказки охватывает ликвидацию недостачи (Л).

В калмыцкой устной традиции сорока воспринимается как птица-вещунья. В сказке «Һунуха Дөнэкэ хойр» («Гунуха и Денякя») на сюжетный тип СУС 567 «Чудесная птица» отмечается эта особенность сороки. Птица невольно выступает помощницей главно-

го героя: из разговора двух сорок он узнает, как с помощью волшебных плодов переплыть внешний океан. Благодаря чудесным яблокам Гунуха* попадает на берег и, дав волшебных плодов жене и ее прислужницам, наказывает их, превратив в ослиц (ХТ-I, с. 69). В данном случае можно рассматривать сороку как мудрого советчика, ликвидирующего беду.

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 563 «Чудесные дары» волшебным помощником выступает также ворон. В благодарность за спасение от смерти птица помогает нищим старику и старухе: ликвидирует их бедность. Так, в сказке «Керэ сән нээжтэ Керэдэ өвгн» («Старик Керядя с хорошим другом вороном») старик предлагает свою дружбу птице, клевавшей потертость на спине у его лошади, приглашает ворона в гости, забивает для него овцу и потчует. В гостях у ворона старик получает лошадь, которая испражняется золотом, и архад, который постоянно бурлит кумысом. Старика обманывают и подменивают чудесные лошадь и архад на обычные. Тогда благодарная птица дает старику палку, с помощью которой он избивает обманщиков и возвращает себе подарки (ХТ-III, с. 204–215).

Ворон является древним тотемом монголоязычных народов, в том числе калмыков. Об этом свидетельствует этноним *кереит* (*керэд* (калм.), *хэрээд* (монг.)) с корнем *хэрээ* / *керэ* «ворон» и суффиксом множественного числа -д.

Ворон (керэ) был птицей-тотемом, но в то же время калмыки боялись его связи с потусторонним миром, боялись карканья и в этом случае приговаривали: «Сэ кел!» («Говори только хорошее!»). «Характерно, что эту формулу записал также Ц.-Д. Номинханов в Северо-Западной Монголии», – пишет Т.Г. Басангова [2, с. 13]. Среди запретов калмыков существовало табу на стрельбу в ворона, а если охотник все-таки выстрелил в него, то считалось, что охотник осквернил ружье [Там же, с. 102].

Как отмечает С. Хойт, о поклонении ворону у других народов могут свидетельствовать название покровителя тойонов саха «Хара Суорун Улуу Тойон» (Черный Ворон Великий Господин) и их обычай издавать перед сражением крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо». Возможно, таким же свидетельством может служить один из элементов погребального обряда у чукчей северо-востока Камчатки [30].

* Гунуха (Һунуха) – букв. «трехлетний».

Образ ворона широко распространен в мифологических представлениях разных народов, он связывается с разными элементами мироздания (подземным миром, землей, водой, небом, солнцем), что свидетельствует о глубокой мифологической семантике этого персонажа. Черный цвет птицы воспринимается как приобретенный от соприкосновения с огнем или дымом, в силу наказания бога и т.п. [14, т. 1, с. 245].

В мифах поедание вороном падали, по гипотезе К. Леви-Строса, есть функция культурного героя: падаль – уже не животная, но и не растительная пища, поэтому ворон олицетворяет некий компромисс между хищными и травоядными, противопоставление которых друг другу оказывается в конечном итоге смягчением фундаментальной антиномии жизни и смерти. Вследствие этого ворон воспринимается как медиатор между жизнью и смертью [Там же].

В сказке «Такан ажрхта эмгн өвгн хойрин туск тууль» («Сказка о старике и старухе, у которых был петух»), соотносимой с сюжетным типом СУС 715 А* «Чудесный петушок и царь», орнитоморфным помощником героя выступает петушок. Текст данной сказки хранится в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН. Сюжет зафиксирован от Адудова Лиджи в г. Элиста в июне 1978 г. Запись и редакция текста произведены Леонидом Сангаевым. Перевод сказки на русский язык осуществлен Т.Г. Басанговой (СЛ, с. 193–195). Приведем краткое содержание данной сказки. *Петушок просит старика и старуху пощадить его и не убивать. В благодарность за то, что ему сохранили жизнь, петушок идет искать работу. По пути проглатывает мышь, лису, волка, которых отпускает в определенный момент, чтобы устранить преграды на своем пути. Возвращается домой с золотом и обогащает стариков* (НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 79). Как видим, круг действий петуха как чудесного помощника стариков охватывает ликвидацию недостачи: благодарная птица добывает для умирающих от голода престарелых супругов золото, на которое был куплен скот.

Мифологический образ петуха во многих традициях связан с солнцем. Как и солнце, петух «отсчитывает» время (ср. «первые петухи», «третьи петухи», до «петухов» и т.п.) [Там же, т. 2, с. 309–310]. Петух не только возвещает о начале дня, в калмыцкой (шире – монгольской) традиции петух является проводником солнца в его годовом и суточном циклах.

Петух не только связан с солнцем, подобен ему: он сам земной образ, зооморфная трансформация небесного огня – солнца. С петухом связывается и символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни. Одним из проявлений жизненной силы петуха является его исключительная воинственность, нашедшая отражение в фольклоре [14, т. 2, с. 310]. Например, в рассмотренном выше сюжете *петух проглатывает мышь, лису и волка. Позже, когда богач, хозяин дома, запирает петуха в курятнике, он выхаркивает лису, которая подушила всех кур, а в овчарне открывает волка, задравшего всех овец. Решив избавиться от вредоносного существа, хозяин бросил птицу в колодец, который был тут же осушен петухом. Когда богач развел огонь в очаге и привязал пернатого к треножнику, чтобы сжечь, петух залил костер водой* (НА КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 79).

В бурятской сказке «Далан хэлээ мэдэрэн хун» («О человеке, узнавшем семьдесят языков зверей и птиц») петух выступает в роли мудрого советчика. *Герой, понимающий язык животных, не должен раскрывать этого секрета под страхом смерти. Жена его хитростью пытается выведать тайну, когда герой готов рассказать ей обо всем, он слышит слова петуха: «Наш хозяин с ума сошел, не может одну-единственную жену свою приструнить, хочет из-за нее выдать свою тайну. Я же имею не одну, а много жен и всех держу в повиновении»* [1, с. 97–98].

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 567 «Чудесная птица» волшебными помощниками героев также выступают птицы: воробей, курица и уточка. *Кто съест голову чудесной птицы, станет ханом, кто съест правое крыло – будет плеваться золотом. Два брата съедают голову и крыло волшебной птицы и, спасаясь бегством от гнева хана, добывают чудесные предметы* (КМ-I, с. 29–31; КӨД, с. 55–57). Зачастую данный сюжет в калмыцкой сказочной традиции имеет продолжение. *С помощью чудесных предметов один из героев оказывается в соседнем ханстве, где, узнав, что красота его приобретена чудесным образом, дочь хана отнимает у него голову волшебной птицы. Герой наказывает ханскую дочь, обретает прежнюю красоту* (ХФ, с. 130–135; ХТ-I, с. 67–71; ХТ-III, с. 150–162; ТСТ, с. 43–48).

Внешне чудесный воробей ничем не примечателен, у него обычный окрас – серый, находят его у подножия холма. Когда братья приносят птицу домой и прячут ее в сундук,

то оказывается, что воробей несется золотом (КМ-I, с. 29; КЭД, с. 55). Таким образом, птица-воробей благодаря своим чудесным свойствам, является ликвидатором материального недостатка семьи героев.

В калмыцких сказках, имеющих продолжение на сюжетный тип СУС 518 «Обманутые лешие», орнитоморфными помощниками выступают золотая курица, несущая золотые яйца (ХТ-I, с. 67); трижды в день золото изрыгающий золотой петушок (ХТ-III, с. 151) и золотая уточка (ТСТ, с. 43).

В сказке «Алтар үндэгэлдэг тахья» («Курица, несущаяся золотом») из репертуара знаменитого бурятского сказочника Аполлона Тороева два брата, съевших внутренности чудесной курицы, начинают плеваться золотом и серебром (ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий архивный фонд. Д. 1264. Л. 5).

Голова золотой курицы при ее проглатывании дает трансфигурацию героя: проглотивший голову золотой курицы младший из братьев Гунуха обретает красоту. Ханская дочь заставляет его выплюнуть голову золотой курицы, глотает ее сама и становится красивой (ХТ-I, с. 68).

Отметим, что рассмотренные выше орнитоморфные помощники героя (курица, петушок и уточка) являются золотыми, воробей и курица несутся золотом. По наблюдению В.Я. Проппа, в волшебной сказке золото при описании тридцатого царства фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать его золотым царством: «Это – настолько типичная, прочная черта, что утверждение; “все, что связано с тридцатым царством, может иметь золотую окраску” может оказаться правильным и в обратном порядке: “все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству”. Золотая окраска есть печать иного царства» [24, с. 245–246].

В сказке на сюжетный тип СУС 519 «Слепой и безногий», зафиксированной среди калмыков финским ученым Г.Й. Рамстедтом во время экспедиции в 1903 г., также встречается серый воробышек (бор богшада), который подсказывает где найти главного героя. *Три побратима: слепой, безрукий и безногий – схватили медноклювую старуху из нижнего мира, которая повадилась пить кровь их названной сестры. Когда побратимы стали избивать старуху, она стала просить пощады, пообещав вернуть зрение и восстановить руки слепому и безрукому. Проглотив безно-*

гого героя, старуха отказывается выплюнуть его. Друзья, порубив шулмуску на куски, тщетно пытаются найти героя. В этот момент один серый воробышек прилетел и сел на дымоход: «В мизинце правой руки, в мизинце!» – сказал и улетел. По его подсказке находят и освобождают главного героя (КМ, с. 46, перевод: МД, с. 106–115). В данном случае воробей выступает как советчик.

Наряду с образами привычных птиц, сопровождавших обыденную жизнь калмыка-кочевника, в волшебных сказках присутствуют также экзотические птицы. Например, в сказке «Нурвн көвүтэ Живд өвгн» («Три сына старика Дживдя») на сюжетный тип СУС–559* «Молчаливая царевна» фигурирует попугай. *Для того чтобы разрешить трудное задание хана и разговорить дочь правителя, герой решает использовать редкую птицу. Три года нарень тщетно ищет птицу, находит лишь останки попугая. В течение трех недель путем разных манипуляций юноша оживляет его и учит разным словам. Попугай произносит слова, вынуждая говорить ханскую дочь. После чего хан выпускает из преисподней всех, кто пытался разговорить девушку, в том числе братьев героя. Младший из братьев, выполнив трудную задачу, берет в жены молчаливую дочь хана (ХФ, с. 253–257; МД, с. 216–222). Согласно теории Проппа, в данной сказке круг действий попугая как помощника охватывает разрешение трудной задачи.*

Таким образом, проведенный нами анализ сказочных текстов показал, что орнитоморфные помощники героя волшебной сказки калмыков представлены мифической птицей Хан Гарудой, а также другими птицами (орел, ворон, сойка, воробей, попугай, петух, курица, утка), в круг действий которых входит, согласно теории В.Я. Проппа, пространственное перемещение героя из одного мира в другой (R), разрешение трудных задач (P), ликвидация беды или недостачи (J), трансфигурация героя (T).

Список литературы

1. Баранникова Е.В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978.
2. Басангова Т.Г. Магическая поэзия калмыков: исследования и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.
3. Басангова Т.Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т.Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.

4. Басангова Т.Г. Образ культурного героя в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3: материалы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 18–22 сентября 2012 г.) / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. С. 616–619.
5. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века. М.: Наука, 2005.
6. Горяева Б.Б., Баянова А.Т., Бутаева А.О. [и др.]. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г.Й. Рамстедтом) // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
7. Джимгиров М.Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калмиздат, 1970.
8. Джимгиров М.Э. Волшебные мотивы в «Джангаре» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: материалы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1980.
9. Кукеев А.Г. Знамя 3-го Донского калмыцкого конного полка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 60–63.
10. Манджиева Б.Б. К вопросу изучения образа героя калмыцкой богатырской сказки // Литературное обозрение: история и современность. 2015. № 5(5). С. 61–63.
11. Манджиева Б.Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1189.
12. Манджиева Б.Б. Номинация героя в калмыцких богатырских сказках // Изв. Дагест. гос. пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 108–112.
13. Мирзаева С.В. О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 196–204.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1987–1988.
15. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
16. Музраева Д.Н. Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2(22). С. 80–94.
17. Мутляева Б.Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
18. Надбитова И.С. Типы героев калмыцкой волшебной сказки // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы: материалы II Межрегион. науч. конф. Элиста, 2005. С. 231–236.
19. Надбитова И.С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. С. 139–140.
20. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
21. Павлова Н.В. Орнитоморфные помощники героя в якутской волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65): в 3 ч. Ч. 2. С. 34–36.
22. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946.
23. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001.
24. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2004.
25. Пюрбеев Г.Ц. (=Пүрбэн Григорий). Эпос «Джангар»: культура и язык (=Жанһр дуулвр: сойл болн келн) / на рус. и калм. языках. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 2-е изд., перераб.
26. Селеева Ц.Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2015. № 2. С. 151–155.
27. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников [и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.
28. Убушиева Д.В. Верхний мир мифологического трехмирия (на материале багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы Междунар. науч. конф. Элиста, 2009. С. 624–628.
29. Убушиева Д.В. Калмыцкая сказка «Иван царевичин тууль» / «Сказка про Ивана царевича» из архива И.И. Попова // Полевые исследования. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 154–162.
30. Хойт С.К. Кереты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы. Элиста: Изд-во КГУ, 2008.

Список источников

- АЗТ – Алтн зүн темн. Лижин Э. бичж авсн туульс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1995.
- КӨД – Калян А. Кел өргжүллһнэ дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1994.
- НА КалмНЦ РАН – Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.
- МД – Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост., прим. М. Ватагина. М.: Наука, 1964.

СЛ – Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т.Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.

ТСТ – Т.С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс. Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н.Г. Очировой, сост., коммент. Б.Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков), 2011.

ХТ-I – Хальмг туульс. I боть. Барт белдснь Б. Саңжин, Л. Саңхан. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1961.

ХТ-III – Хальмг туульс. III боть. Нээрүлж кевледд белдж диглснь Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1972.

ХТ-IV – Хальмг туульс. IV боть. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1974. ХФ – Хальмг фольклор. Элст: Хальмг госиздат, 1941.

ЦВРК ИМБТ СО РАН – Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

КМ-I – Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909.

* * *

1. Barannikova E.V. Burjatskie volshebno-fantasticheskie skazki. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe ot-delenie, 1978.

2. Basangova T.G. Magicheskaja poezija kalmykov: issledovanija i materialy. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1999.

3. Basangova T.G. Skazochnaja tradicija kalmykov // Sandalovyy larec: Kalmyckie narodnye skazki / sost., per., vstup. st. T.G. Basangovoj. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 2002.

4. Basangova T.G. Obraz kul'turnogo geroja v mifologii kalmykov // Mir Central'noj Azii – 3: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ulan-Udje, 18–22 sentjabrja 2012 g.) / nauch. red. B.V. Bazarov. Ulan-Udje; Irkutsk: Ottisk, 2012. S. 616–619.

5. Batyreva S.G. Starokalmyckoe iskusstvo XVII – nachala XX veka. M.: Nauka, 2005.

6. Gorjaeva B.B., Bajanova A.T., Butaeva A.O. [i dr.]. Frejmtarij personazhej kalmyckoj skazochnoj tradicii (na primere skazok, zapisannyh G.J. Ramstedtom) // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2015. № 2. S. 128–140.

7. Dzhingirov M.Je. O kalmyckih narodnyh skazkah. Jelista: Kalmizdat, 1970.

8. Dzhingirov M.Je. Volshebnye motivy v «Dzhangare» // «Dzhangar» i problemy jepicheskogo tvorchestva tjurko-mongol'skih narodov: materialy Vsesozjuz. nauch. konf. (g. Jelista, 17–19 maja 1978 g.). M.: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1980.

9. Kukeev A.G. Znamja 3-go Donskogo kalmyckogo konnogo polka // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN. 2010. № 1. S. 60–63.

10. Mandzhieva B.B. K voprosu izuchenija obraza geroja kalmyckoj bogatyrskoj skazki // Literaturnoe obozrenie: istorija i sovremennost'. 2015. № 5(5). S. 61–63.

11. Mandzhieva B.B. Kon' geroja v kalmyckoj bogatyrskoj skazke i v geroicheskom jepose «Dzhangar» // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 1-1. S. 1189.

12. Mandzhieva B.B. Nominacija geroja v kalmyckih bogatyrskih skazkah // Izv. Dagest. gos. ped. un-ta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2016. T. 10. № 4. S. 108–112.

13. Mirzaeva S.V. O nekotoryh buddijskih chertah skazochnogo fol'klora kalmykov // Problemy jetnicheskoi istorii i kul'tury tjurko-mongol'skih narodov. 2015. № 3. S. 196–204.

14. Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. jencikl., 1987–1988.

15. Meletinskij E.M. Geroj volshebnoj skazki: Proishozhdenie obraza. M.: Izd-vo vost. lit, 1958.

16. Muzraeva D.N. Kukushka kak personazh skazochnogo fol'klora narodov Central'noj Azii: problema vzaimosvjazi fol'klornyh zhanrov i literaturnyh tekstov // Novye issledovanija Tuvy. 2014. № 2(22). S. 80–94.

17. Mutljaeva B.Je. Motiv chudesnogo rozhdenija geroja v skazochnom jepose mongol'skih narodov i kalmyckom jepose «Dzhangar» // Jepicheskaja poezija mongol'skih narodov. (Issledovanija po jeposu). Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. S. 43–49.

18. Nadbitova I.S. Tipy geroev kalmyckoj volshebnoj skazki // Molodezh' v nauke: problemy, poiski, perspektivy: materialy II Mezhtregion. nauch. konf. Jelista, 2005. S. 231–236.

19. Nadbitova I.S. Sjuzhety, obrazy i stilevyje tradicii kalmyckih volshebnyh skazok. Jelista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2011. S. 139–140.

20. Novikov N.V. Obrazy vostochnoslavjanskoj volshebnoj skazki / AN SSSR. In-t jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1974.

21. Pavlova N.V. Ornitomorfnye pomoshniki geroja v jakutskoj volshebnoj skazke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11(65): v 3 ch. Ch. 2. C. 34–36.

22. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: Izd-vo Leningr. gos. ordena Lenina un-ta, 1946.

23. Propp V.Ja. Morfologija volshebnoj skazki / nauch. red., tekstol. komment. I.V. Peshkova. M.: Izd-vo «Labirint», 2001.

24. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / nauch. red., tekstol. komment. I.V. Peshkova. M.: Izd-vo «Labirint», 2004.

25. Pjurbeev G.C. (=Pjurbæn Grigorij). Jepos «Dzhangar»: kul'tura i jazyk (=Жаһһг дуулвр: сојл болн келн) / na rus. i kalm. jazykah. Jelista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2015. 2-e izd., pererab.

26. Seleeva C.B. Specificheskoe i universalnoe v obraze geroja kalmyckoj bogatyrskoj skazki i jeposa «Dzhangar» // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2015. № 2. S. 151–155.

27. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochno-slavjanskaja skazka / AN SSSR. Otd-nie lit. i jaz. Nauch. sovet po fol'kloru; In-t jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja; sost. L.G. Barag, I.P. Berezovskij, K.P. Kabashnikov [i dr.]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979.

28. Ubushieva D.V. Verhnij mir mifologičeskogo trehmirija (na materiale bagacohurovskogo cikla kalmyckogo geroičeskogo jeposa «Dzhangar») // Edinaja Kalmykija v edinoj Rossii: cherez veka v budushhee: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Jelista, 2009. S. 624–628.

29. Ubushieva D.V. Kalmyckaja skazka «Ivan carevichin tuul'» / «Skazka pro Ivana carevicha» iz arhiva I.I. Popova // Polevye issledovanija. Jelista: KalmNC RAN, 2016. S. 154–162.

30. Hojt S.K. Kereity v jetnogeneze narodov Evrazii: istoriografija problemy. Jelista: Izd-vo KGU, 2008.

Spisok istočnikov

AZT – Altn zyn temn. Ližin Je. bichž avsn tuul's. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1995.

KӨD – Kaljan A. Kel ɵrğжылһнə degtr. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1994.

NA KalmNC RAN – Nauchnyj arhiv Kalmyckogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk.

MD – Mednovolosaja devushka. Kalmyckie narodnye skazki / per., sost., prim. M. Vatagina. M.: Nauka, 1964.

SL – Sandalovyj larec: Kalmyckie narodnye skazki / sost., per., vstup. st. T.G. Basangovoj. Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 2002.

TST – T.S. Tjaginovan amn urn ygin kɵrһgəs. Fol'klornye materialy iz repertuara T.S. Tjaginovoj.

Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N.G. Ochirovoj, sost., komment. B.B. Gorjaevoj. Jelista: KIGI RAN. Өvknrin zɵɵr (Sokrovishha predkov), 2011.

XT-I – Hal'mg tuul's. I bot'. Bart beldsn' B. Saһh-žin, L. Saһhan. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1961.

XT-III – Hal'mg tuul's. III bot'. Nəərylж kevleld beldж diglsn' N.N. Musova, B.B. Okonov, E.D. Muchkinova. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1972.

XT-IV – Hal'mg tuul's. IV bot'. Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1974. HF – Hal'mg fol'klor. Jelst: Hal'mg gosizdat, 1941.

CVRK IMBT SO RAN – Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN.

KM-I – Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909.

Ornithomorphic assistants of a character in the Kalmyk fairy tale

Based on the theory of V. Propp, the article deals with the actions of birds as the character's assistants in the Kalmyk fairy tale. The actions of a mythical bird Khan Garuda are a spatial movement of the character from one world to another, and the solution of difficult tasks. Very often in fairy tales an eagle gets help from the character before it gives it to him. The assistants are magpies, ravens, sparrows, roosters, chickens and ducks. The range of the parrot's actions as a character's assistant include solving Khan's difficult task.

Key words: *character, fairy tale, ornithomorphic assistant, range of actions, Khan Garuda, eagle, raven, magpie, sparrow, parrot, rooster, chicken, duck.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2017)

